Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 21—31.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 21—31.

Научная статья
УДК 821.111.09-1
EDN https://elibrary.ru/vqocle
DOI: 10.46726/H.2025.4.3

РУССКАЯ ТЕМА В ПОЭМЕ Д. ТОМСОНА «ВРЕМЕНА ГОДА»

Олег Юрьевич Поляков
Вятский государственный университет, г. Киров, Россия
polyakoov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации образа России в поэме английского сентименталиста Д. Томсона «Времена года» в контексте воплощения русской темы и развития петровского мифа в английской поэзии первой половины XVIII в. «Русский текст» описательно-дидактической поэмы Томсона анализируется на примере ее последней части («Зима») в редакции 1744 г. в плане сопоставления гетерообраза России с образами национального (английского) «своего» и европейских «других». Особое внимание уделяется раскрытию влияния художественного метода Томсона как представителя «физико-теологической» группы поэтов на конструирование образа России, выявлению его творческого взаимодействия с Д. Моллетом и в особенности с А. Хиллом (сопоставляются приемы создания образа Петра I в поэмах «Времена года» и «Северная звезда»). Делается вывод о том, что Д. Томсон продолжил традицию валоризации образа России в английском художественном сознании XVIII века, сохранив, тем не менее, амбивалентный характер имагологической оценки, колеблющейся между полюсами «варварства» и цивилизации.

Ключевые слова: Томсон, образ России, петровский миф, имагология, репрезентация

Для цитирования: Поляков О.Ю. Русская тема в поэме Д. Томсона «Времена года» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 21—31.

Описательно-дидактическая поэма Джеймса Томсона «Времена года», вошедшая в канон английской литературы в качестве образца сентименталистской медитативной поэзии, многократно привлекала внимание ученых как сложный политекст, воплощающий искания современной автору философско-эстетической и научной мысли и отражающий политические дискуссии и цивилизационные проблемы эпохи Просвещения [Соловьева 1983, 2005; Кузьмичёв 1989; Owen 1964, Ridley 2000, Gottlieb 2001; Cotterill 2024], и при этом оказалась гораздо менее изученной как имагологический текст[1], в котором репрезентация национального погружена в транснациональный контекст и размышления об историческом процессе, метафорически представленном в грандиозной картине изменчивого бытия природы. Английский уклад жизни, природа, быт, политическое устройство, нравы «возвышенного и утонченного» общества (“polite” и “elegant” — такие эпитеты чаще всего использует Томсон для характеристики национального «своего»), изображенные в рамках «патриотического» дискурса,

© Поляков О.Ю., 2025

[1] В отечественной англистике первые обстоятельные исследования аспектов репрезентации национального в поэме Д. Томсона появились в конце XX — начале XXI в. в трудах Н.П. Михальской и Н.А. Соловьевой.

сопоставляются во «Временах года» с феноменами иных национальных культур, прежде всего европейских.

Д. Томсон, как известно, редактировал и дополнял текст поэмы в течение двух десятилетий, с 1726 по 1746 гг., и в издании 1744 г. в ее четвертую часть («Зима») вошел значительный фрагмент о России, который нередко рассматривают изолированно, как самодостаточный акт репрезентации национального гетерообраза, хотя очевидно, что «русский текст» поэмы был необходим Д. Томсону для сопоставления с автообразом Англии, поскольку, по справедливому утверждению В.Б. Земскова, «созданные той или иной культурой имагологические образы на самом деле утверждают собственную идентичность, «самость», чаще всего в противоположении «себя» — «другим», и они входят во всемирный театр-полилог культур» [Земсков: 26]. Более того, образ России представлен во «Временах года» во взаимосвязи с образом глобального севера и в сопоставлении как с аспектами английского национального бытия, так и с цивилизационной ситуацией в целом. Он отразил господствующие представления о «северном соседе», которого в европейских странах видели «то молодым народом с большим будущим, то неискоренимо варварской страной» [Там же: 31] и применяли к нему критерии западного «цивилизованного мира», по отношению к которому национальные «другие» (в том числе народы Восточной Европы) выступали либо в роли «варваров», либо находящихся в состоянии перехода от варварства к цивилизации [Трыков: 55]. Такой переходной страной мыслилась западному миру Россия, причем валоризация ее национального образа усилилась в первые десятилетия XVIII в., когда Россия стала протагонистом мировой истории и начал развиваться петровский миф, определявший движения имагологического «маятника» — восприятия России то как национального «другого», осваивавшего достижения цивилизованного мира, то как «опасного чужого», угрожавшего Европе своим экспансионизмом. В политическом и художественном сознании Англии образ России, хотя и ассоциировался с образом ее царя, в целом вызывал значительно больше имагологического негативизма: англичане предпочитали не замечать трагических последствий вестернизации страны, жестокости Петра, многочисленных жертв его реформ, а сетовали больше всего о том, что на его долю выпало царствовать в отсталой стране. «Величие его достижений, — писал историк М. Андерсон, — еще больше поражало [англичан], когда они задумывались над тем, какого низкого качества человеческий материал он получил в управление» [Anderson: 213].

Образ Петра I как преобразователя основ русской жизни, царя-цивилизатора нашел отражение в множестве публицистических источников, историко-биографических трудов (эссе Р. Стила в журнале «Тэтлер», 1709; «Состояние России при нынешнем царе» Д. Перри, 1716; «Беспристрастная история жизни и деяний Петра Алексеевича» Д. Дефо, 1723 и др.), однако меньше всего изучена и в отечественном, и в зарубежном литературоведении «петровская тема» в английской поэзии первой четверти XVIII в., представленная сочинениями «Поздравительная поэма великому и могущественному царю Московии по случаю его прибытия в Англию» Мозеса Стрингера (1698), «Поэма о видении мира» Томаса Тикелла (1713) и «Северная звезда» Аарона Хилла (1718) (обзорно она представлена в трудах: [Соловьева 2001; Михальская 2012; Cross 1985, 1993, 2000]). Для нашего исследования эти поэтические тексты представляют интерес в плане выявления влияний или типологических схождений с образно-мотивной системой поэмы Д. Томсона.

М. Стрингер и А. Хилл уподобляют Петра I Цезарю, ассоциируют его образ с сиянием небесных светил, подчеркивают цивилизаторскую миссию русского царя и возлагают на него надежды на спасение христианского мира от мусульманской экспансии. Более того, в поэме «Северная звезда» образ Петра I наделяется атрибутами божественного, ее герой предстает творцом, милосердным и благим. Гиперболизация и возвышенная риторика при создании идеализированного образа русского монарха пронизывают поэму Хилла, который называет Петра I «новым Солнцем, озарившим страну ночи», призванным Богом «возвысить мир»:

> <…> a *new Sun* inflames the *Land of Night*:
> Where Arts, and Arms a rising Empire found,
> Doom'd to refine the World, and gird it round [Hill: 4].

А. Хилл расширяет традиционную семантику образа России, подвергая пересмотру стереотипы о вечном морозе, холоде, который метафорически соотносится с цивилизационным стазисом: в его интерпретации Россия ассоциируется с теплом и светом, ее миссия заключена в возрождении высоких духовных идеалов, завещанных Византией.

По-иному представлены образы Петра и России в «Поэме о видении мира» Т. Тикелла, посвященной завершению Войны за Испанское наследство, в ходе которой Англия расширила свои владения. Произведение, проникнутое националистическим духом, утверждает мессианскую роль Альбиона — "to teach th' untam'd Barbarian laws" («учить неукрощенных варваров законам») [Tickell: 20]. К числу тех, кто получил подобные уроки, отнесена Россия, царь которой, «проделав трудный путь во льдах»[2], прибыл с посольством в Англию и овладел «полезными искусствами», с тем чтобы распространить их в своей стране. Усвоенные уроки не прошли даром, были созданы сильные армия и флот, изящные искусства распространились по всей стране:

> His bands now march in a just array to war,
> And Caspian gulfs unusual navies bear;
> With Runick lays Smolensko's forests ring,
> And wond'ring Volga hears the Muses sing [Tickell: 21, ll. 176—179].

Экзотизация текста, в котором использованы русские географические названия (искаженный топоним и гидроним), сопровождается комичной характеристикой английского культурного влияния на Россию, которое измышляет Тикелл, как будто не ведавший о существовании песенной культуры на Руси: в его поэме «в смоленских лесах звучат таинственные песни, / И изумленная Волга внимает пению муз», откликаясь на уроки Англии.

Таким образом, в «Поэме о видении мира» образ России представлен с позиций цивилизаторского дискурса и английского национального превосходства, при этом подчеркнута диктаторская роль Петра, чьему скипетру послушны миллионы «подневольных» жителей северной страны: "[Peter's] sceptre waving with one shout rush forth / In swarms the harness'd millions of the north" [Tickell: 21, ll. 168—169]. Этот стереотип о «русском рабстве» был пересмотрен в поэме А. Хилла. Автор «Северной звезды» полагал, что забота Петра делает народ России свободным: "Those Subjects the most glorious Freedom share / Whom *we call* Slaves, in *such* a Sov'reign's Care [Hill: 11].

[2] На самом деле Петр I достиг берегов Британии на корабле английской эскадры из Амстердама.

«Северная звезда», как и эссе А. Хилла в журнале «Плейн Дилер» (№ 106, 1725), оказала непосредственное влияние на интерпретацию образа России в поэме Д. Томсона [McKillop: 28—31]: переклички обнаруживаются в сравнении Петра I с античными героями и в описании реформ русского монарха, а также в референциях к истории Древнего Рима, образ которого соотнесен с Россией, и в отдельных лексических соответствиях в текстах двух авторов. А.Д. Маккиллоп также указал на возможные источники сведений Д. Томсона о России, среди которых хранившиеся в библиотеке поэта «История Карла XII» Вольтера и английский перевод «Путешествий по Европе, Азии и части Африки» французского дипломата Обри де ла Моттрэ (1724) [McKillop: 31].

Определенные параллели возникают между «Временами года» и описательной поэмой Дэвида Моллета «Экскурсия» (1728), замысел которой и его осуществление обсуждались с Томсоном, так же как и создание «Времен года» проходило в атмосфере творческого общения двух поэтов, которых связывала дружба [Cunningham: 1—43; Поляков: 138]. Оба продолжали традиции георгики, при этом сосредоточивались не только на описательных, но и на медитативных стратегиях репрезентации образов природы; их привлекали величие, масштабность природных феноменов как источник возвышенного, которое выражалось в экспрессивных визуальных образах; и тот, и другой избрали для своих поэм свободный хронотоп, что позволило создать панорамные картины природного и социального мира, организуемые путешествием по земным (а в случае «Экскурсии» и по космическим) пространствам; оба принадлежали к группе так называемых «физико-теологических поэтов», включавшей также Р. Блэкмора и Р. Сэвиджа, которых объединяло изображение бытия в единстве философских, естественнонаучных и теологических аспектов. Наконец, в поэмах имеются прямые образные, мотивные, текстовые соответствия. Лаконичные сцены зимних пейзажей, обозреваемые беспокойной музой Моллета, получают развитие в «Зиме» Томсона: строки «Экскурсии» “Hills of Snow, / Pil'd up *from eldest Ages*, *Hill on Hill*” [Mallet: 28] преобразуются у Томсона в “Where undissolving, *from the first of time*, / *Snows swell on snows* amazing to the sky; / And icy *mountains high on mountains* pil’d” [Thomson: 209, ll. 904—906] (курсив наш. — *О. П.*). Общим для обеих поэм является образ одинокого странника, причем в «Зиме» он конкретизирован относительно описываемого пространства («русский невольник»); оба поэта обращаются к истории и описывают английскую экспедицию XVI в. на русский север, причем у Моллета выделены авантюрность и предприимчивость англичан и преобладает описательное начало, в то время как в «Зиме» Томсона этот эпизод разворачивается в жанровую сцену, пронзительно изображающую гибель путешественников в полярных льдах и увековечивающую их как национальных героев [Thomson: 209—210, ll. 920—935].

Принципы «физико-теологической» школы ярко проявились в художественном решении русской темы в поэме Д. Томсона, в которой зима представлена не только как время года, но и как масштабная онтологическая и политическая метафора, символ непрерывности бытия и грядущего обновления жизни. Композиция «Зимы» основана на монтаже описательных и медитативных фрагментов — картин природы, бытовых сцен, исторических экскурсов, этических размышлений, объединенных сквозными мотивами и экспликациями аукториального начала, присутствием авторского лирического голоса. В этой части произведения воображение поэта совершает планетарное странствие, играя перспективой, свободно перемещаясь из Англии в Лапландию, Финляндию, Гренландию, Россию, Тартарию, и центральным закономерно становится мотив холода.

Картины величественных северных ландшафтов, бескрайних заснеженных равнин и царства льда, особую возвышенность которым придает акцент на взаимодействии света и цвета (очевидное влияние «Оптики» И. Ньютона), соединяются с описаниями природных явлений, охоты, быта скандинавских народов — эти репрезентации известный имаголог В. Захарасиевич справедливо считает «отходом от стереотипного представления северных племен, которые часто уподоблялись медведям, находящимся в зимней спячке посреди бескрайних пространств льда» [Zacharasiewicz: 39]: действительно, каждый из этих народов индивидуализирован, представлен как самобытная часть северного мира и в то же время как воплощение общих просветительских представлений о естественном человеке, причем эти образы настолько органично соединяются величественными картинами полярной природы, что возникает своего рода имагологический континуум, в котором образ России занимает особое место, в том числе по причине географической обширности страны.

Репрезентация России ведется рассредоточенно: сначала она включается в европейский контекст на уровне бытовых сцен, описывающих по принципу одновременности событий зимний досуг жителей Германии, Нидерландов, скандинавских стран — игры, катание на коньках, санях, шествия румяных скандинавских красавиц, “flush’d by the season”, вызывающих задорный интерес мужчин, и веселых, крепких, пышногрудых, пышущих здоровьем «дочерей России, распространяющих вокруг себя сияние» (“Russia’s buxom daughters glow around”) [Thomson: 204, l. 778]. Затем русская тема возникает в экспозиции экстремального «северного текста» поэмы, описания арктических пространств как царства «вечной ночи», перед которым, по словам поэта, меркнет величие английской зимы [Thomson: 204, ll. 792—795]. Здесь хронотоп поэмы сжимается до одной точки: Томсон изображает русского узника, заключенного в «тюрьму бескрайней снежной пустыни», в «клетку, созданную самой Природой», из которой невозможно освободиться:

> Nought around
> Strikes his sad eye, but deserts lost in snow;
> And heavy-loaded groves; and solid floods,
> That stretch, athwart the solitary waste,
> Their icy horrors to the frozen main [Thomson: 205, ll. 801—805].

Примечательно, что в более раннем издании «Зимы» (1730) образ жителя России был представлен в динамике: укутанный в меха, он мчался по северным просторам на санях, погоняя оленя. При этом ему противопоставлялся образ медведя, «одинокого обитателя холодных мест», который также в дальнейшем претерпел трансформацию: в редакции поэмы 1744 г. он ассоциируется с образом русского невольника, а их общей чертой является одиночество [Owen: 24—25].

> Rough tenant of these shades, the shapeless bear,
> With dangling ice all horrid, stalks forlorn;
> Slow-pac’d, and sourer as the storms increase,
> He makes his bed beneath th’ inclement drift,
> And, with stern patience, scorning weak complaint,
> Hardens his heart against assailing want [Thomson: 206, ll. 828—834].

Образ медведя противопоставлен образам других северных зверей, которые наслаждаются «сиянием жизни» и которые, что важно, названы Томсоном «пушистыми нациями», что позволяет соотнести картину зимней природы

с национальной «картой мира». В ней «русский медведь», “rough tenant of these shades”, обречен на экзистенциальное одиночество и стоическое приятие трудностей (“stern patience”). Поэт называет его «бесформенным», что, по мнению Б. Добрэ, является отсылкой к мифу о его происхождении [Dobrée: 491], а следовательно, подразумевается возможность его метаморфоз. В XVIII столетии Россия устойчиво ассоциировалась в Англии с образом медведя, и появление этого персонажа в произведении Д. Томсона в роли зооэтностереотипа представляется вполне закономерным.

Кульминацией развития образа России в поэме «Времена года» становится фрагмент, посвященный Петру I (ст. 950—987), в котором не только обобщается и систематизируется «петровский текст» английской литературы первой половины XVIII в., но также происходит актуализация образа русского монарха по отношению к английскому политическому контексту. Фрагмент о Петре I помещен между экспрессивной картиной Тартарии и Крайнего Севера и философско-дидактическими рассуждениями Томсона о законах природы и человеческого бытия. Его муза, совершая «одинокий полет», охватывает всё новые пространства, изображаемые в торжественно-возвышенной манере (поэт разделял интерес английских литераторов той поры к категории возвышенного и разделял суждения Д. Аддисона и Д. Денниса об этой эстетической категории, которую оба критика связывали с наблюдениями за масштабными явлениями природы, вызывающими чувство «священного трепета»):

Projected, huge, and horrid, o’er the surge,
Alps frown on Alps; or rushing hideous down,
As if old Chaos was again return’d <….>
<…> a bleak expanse,
Shagg’d o’er with wavy rocks, cheerless, and void
[Thomson: 209, ll. 909—911, 917—919].

Картины жестокой зимы, персонифицированной в образе «мрачного тирана», вызывают у поэта ассоциации с гибелью в 1554 г. на русском севере экспедиции сэра Хью Уиллоуби, отправившейся на поиски Северо-Восточного прохода из Европы в Китай, — и Томсон восславляет английский имперский дух: “Such was the BRITON’s fate” [Thomson: 210, l. 925] (заметим, что непосредственно перед публикацией расширенного варианта «Зимы» была успешно завершена русская Великая Северная экспедиция 1733—1743 гг.). С размышлениями Томсона об английской цивилизаторской миссии соотносятся строки поэмы, в которых он восхваляет Петра I как культурного героя, титана, не только покорившего силы природы и варварские народы, но и «духовно возвысившего» своих подданных:

Immortal PETER! first of monarchs! He
His stubborn country tam’d, her rocks, her fens,
Her floods, her seas, her ill-submitting sons;
And while the fierce Barbarian he dubdu’d,
To more exalted soul he rais’d the Man
[Thomson: 211, ll. 955—959].

Э. Готтлиб, рассматривая поэму «Зима» в аспекте воплощения в ней категории возвышенного, отмечает важнейшую роль образа Петра I, изменяющего эмоциональную тональность произведения: описания безжизненных пейзажей и трагических инцидентов создают эффект «когнитивного опустошения», преодолеть которое помогает переход к величественному образу русского монарха

[Gottlieb: 47], монументально возвышающегося над стихиями природы и гармонизирующего цивилизационное бытие России (“the ROYAL HAND that rous'd the whole, / One scene of arts, of arms, of rising trade: / For what his wisdom plann’d and power enforc’d” [Thomson: 212, ll. 984—986]).

«Петровский текст» поэмы, заключенный в грандиозную раму ее политекста, лаконичен и структурно упорядочен. Сначала автор «Времен года» размышляет о цивилизаторской миссии Петра в целом, соотнося широту, безбрежность его ума (“VAST MIND”) с масштабностью проведенных им преобразований. Резкое противопоставление прошлого и настоящего России, акцент на свершениях царя, «укротившего свою упрямую страну», свидетельствуют о том, что образ Петра I в поэме Томсона вписан в концептуальную дихотомическую схему «варварство/цивилизация». “A people savage from the remotest time”, “a huge neglected empire”, “fierce barbarian”, “Gothic darkness” — все эти характеристики допетровской Руси однозначно указывают на то, что для Томсона деятельность Петра начиналась с нулевой отметки российской истории и что репрезентация его образа соответствует логике мифа о России.

Поэт придает особую возвышенность образу Петра, используя апострофы (“Immortal PETER!”) и лексические повторы, выполняющие гиперболическую функцию (he “tam’d her rocks her rocks, her fens, / Her floods, her seas, her ill-submitting sons”); эмфатический повтор и обращение к «теням античных героев» с использованием экспрессивного эпитета подчеркивают авторское отношение к герою: “Ye shades of ancient heroes! <…> behold at once / The wonder done! behold the matchless prince!” [Thomson: 212, ll. 960—963]. Последние строки аллюзивно отсылают к тексту поэмы А. Хилла, с которым Д. Томсон был в дружеских отношениях, к тому фрагменту «Северной звезды», где сопоставление деятельности Петра, создавшего за короткий срок обширное и сильное государство, с историей Римской империи, выстраивавшейся веками, ведется в чрезвычайно помпезной риторичной манере. Автор «Времен года» отказывается от декламационного стиля А. Хилла, как и от приема деификации Петра, структурообразующего в «Северной звезде», от шаблонных сравнений, связанных с семантикой света и образами небесных тел; не поддерживает он и памфлетно-публицистический дискурс поэмы Хилла, которому приходилось оправдывать свое обращение к образу лидера государства-соперника, опираясь на идею просветительского космополитизма, а также подвергать ревизии ряд имагологических стереотипов о России (представления о русском рабстве).

Д. Томсон сосредоточивает наибольшее внимание на практической преобразовательной деятельности Петра, создавая во второй смысловой части своего «пеана» образ царя-труженика, который разрушил стереотипные представления о монархических правителях, «отверг дворов досужую помпезность» (“greatly spurned the slothful pomp of courts”)[3] и, отложив скипетр, начал постигать ремесла, торговлю, военное дело, приобретать практические навыки судостроения: “with glorious hand / Unwearied plying the mechanic tool, / Gather’d the seeds of trade, of useful arts, / Of civil wisdom, and of martial skill” [Thomson: 211, ll. 967—971].

Далее поэт развивает метафору Петра-сеятеля, который, собрав в Европе семена цивилизации, получил на своих «пустынных» землях изобильный урожай:

[3] Очевидная отсылка к образу Людовика XIV и, возможно, к эссе Р. Стила в журнале «Спектейтор» (1709), в котором Петр I был противопоставлен французскому королю, одержимому «пустым тщеславием» [Spectator: 47—49].

Then cities rise amid th' illumin'd waste;
O'er joyless deserts smiles the rural reign;
Far-distant flood to flood is social join'd
Th'astonish'd Euxine hears the Baltic roar;
Proud navies ride on seas that never foam'd
With daring keel before; and armies stretch
Each way with dazzling files [Thomson: 211—212, ll. 973—979].

В этой строфе метафоры и перенесенные (метафорические) эпитеты вступают в своеобразный тропеический полилог, «антропоморфизируя» достижения Петра I: возделанные земли «с улыбкой смотрят на безрадостные пустоши», «потрясенное Черное море слышит рокот Балтики» (так говорит поэт о планах Петра соединить два водных бассейна), «гордые корабли» бороздят моря, в которых никогда не оставлял свой пенный след «дерзкий киль» русских моряков. Все свершения России в XVIII в., по мысли Томсона, создают цельную картину бытия обновленной страны, стратегом которого стал Петр Великий.

Некоторые исследователи полагают, что введение в поэму образа Петра I имело важный политический смысл: Томсон выступал против правительства Уолпола, деятельность которого ассоциировалась с «деспотией зимы» [Cotterill: 263], а образ русского царя служил вдохновляющим примером для его противников, в частности лорда Болингброка, которые возлагали надежды на воцарение на английском престоле такого же монарха-патриота, как и Петр I [Holberton]. С учетом общего замысла поэмы, думается, для Томсона все же важнее было представить образ Петра включенным в его телеологическую картину мира (Cf: [Gottlieb: 48—49]), изобразить русского императора в вечном потоке истории как часть «прекрасного целого», складывающегося из фрагментов бытия в перспективе вечности:

Hence larger prospects of the beauteous whole
Would gradual open on our opening minds;
And each diffusive harmony unite
In full perfection to the astonished eye [Thomson: 197, ll. 579—582].

Образ Петра I, безусловно, способствовал повышению оценки образа России (его валоризации), однако мнения ученых по поводу общего характера имагологической модальности, отношения Д. Томсона к России как референту репрезентации разнятся. Высказываются мнения о том, что «русская тема» была значимой для создания в поэме «вдохновляющего примера» национального прогресса для англичан [Holberton, Ridley: 113], или, напротив, говорится о том, что деятельность русского императора, по мысли поэта, вообще не может быть «моделью» [Gottlieb: 48].

В российской англистике также нет единодушия. Н.А. Соловьева отметила, что Томсон создал «одухотворенный, нестандартный поэтический образ России» [Соловьева 2005: 63], воспел движение страны к цивилизации и, кроме того, она предположила, что в символическом плане поэмы скрыта «глубинная мысль о том, что преобразования в России нужны не только ее народам, они нужны всему миру [Соловьева 2001: 107]. По мысли Е.П. Зыковой, в поэме Томсона преобладает природно-климатический принцип, лежащий в основе оценки национальных образов: согласно ему, Россия «занимает позицию северного "полюса" мировой истории, как страна, развитие которой тормозится неблагоприятными климатическими условиями. Так создается миф о России как о стране вечного снега, погруженной в сон и почти лишенной исторического развития», и только реформы Петра Великого немного пробудили страну ото сна [Зыкова 2006: 8]. На самом деле между этими двумя оценками нет противоречия, если

рассматривать их с позиций имагологии, представляющей национальный образ как сложную структуру, составленную из контрастных имагем, которые могут актуализироваться на определенных этапах бытования комплексных имаготипических систем. В Англии, как и в целом на Западе, в XVIII в. отношении к России применялась логика имагологической бинарности, где полюса «варварства» и «цивилизации», динамики и статики актуализировались практически синхронно в рамках западноевропейского цивилизационного мифа, определявшего переходный статус страны, и эту амбивалентность рецепции образа России выразил Д. Томсон.

Список литературы / References

Земсков В.Б. Образ России в современном мире и иные сюжеты. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015. 343 с.

(Zemskov V.B. The Image of Russia in Contemporary World and Other Plots, M.; St. Petersburg, 2015, 343 p. — In Russ.)

Зыкова Е.П. Русская природа и русская цивилизация в изображении английских авторов XVIII в. // Россия и русские в художественном творчестве зарубежных писателей XVII — начала XX веков: материалы «круглого стола» в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (5 декабря 2006 года) // Новые российские гуманитарные исследования. 2007. № 2. С. 8.

(Zykova E.P. Russian Nature and Russian Civilization as Depicted by English Authors of 18 c., Russia and Russians in the Works of Foreign Writers of XVII — early XX c.: materials of the “round table” in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (5 December 2006), *New Russian Humanitarian Studies*, 2007, no. 2, p. 8. — In Russ.)

Михальская Н.П. Россия и Англия: проблемы имагологии. Самара: Порто-принт, 2012. 224 с.

(Mikhalskaya N.P. Russia and England: Problems of Imagology, Samara, 2012, 224 p. — In Russ.)

Поляков О.Ю. Эстетика света в поэме Дэвида Моллета «Экскурсия» // XVIII век: день и ночь в литературе и искусстве эпохи: коллективная монография / под ред. Н.Т. Пахсарьян. СПб.: Алетейя, 2025. С. 135—144.

(Polyakov O.Y. Aesthetics of Light in David Mallet’s Poem “Excursion”, *XVIII Century: Day and Night in Literature and Arts of the Epoch: collective monograph*, ed. by N.T. Pakhsaryan, St. Petersburg, 2025, pp. 135—144. — In Russ.)

Соловьева Н.А. Петр I в английской литературе XVIII в. // Государственный историко-культурный заповедник «Московский Кремль»: материалы и исследования. Вып. XIII: Петр Великий — реформатор России. М., 2001. С. 101—108.

(Solovyova N.A. Peter I in English Literature of the XVIII Century, *The State Historical-Cultural Museum-Reserve “The Moscow Kremlin”: materials and studies*, iss. XIII: Peter the Great — The Reformer of Russia, Moscow, 2001, pp. 101—108. — In Russ.)

Трыков В.П. Русская незнакомка во французской «республике словесности»: Образ России в литературном сознании Франции: монография. М.: Директ-Медиа, 2021. 528 с.

(Trykov V.P. The Russian Stranger in the French “Republic of Letters”: The Image of Russia in the Literary Consciousness of France: monograph, Moscow, 2021, 528 p. — In Russ.)

Anderson M. S. English Views of Russia in the Age of Peter the Great, *The American Slavic and East European Review*, vol. 13, no. 2 (April 1954), pp. 200—214.

Cotterill A. James Thomson and the Despot of Winter, *Cold Tyranny and the Demonic North of Early Modern England*, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2024, pp. 263—296.

Cross A. Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross, Oxford; Providence: BERG, 1993, 269 p.

Cross A. The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to 1980: An Introductory Survey and a Bibliography, Oxford: W. A. Meeuws, 1985, 278 p.

Cross A. Peter the Great Through British Eyes. Perceptions and Representations of the Tsar since 1698, Cambridge: Cambridge U.P., 2000, 172 p.

Cunningham P. James Thomson and David Mallet, *Miscellanies of the Philobiblon Society*, vol. 4, London: Charles Whittingham, 1857—1858, pp.1—43.

Dobrée B. English Literature in the Early Eighteenth Century 1700—1740, Oxford: Clarendon Press, 1959, 701 p.

Gottlieb E. The Astonished Eye: The British Sublime and Thomson's "Winter", *The Eighteenth Century*, 2001, vol. 42, no. 1, pp. 43—57.

Hill A. The Northern Star, 3d ed, London: W. Mears, 1725, 23 p.

Holberton E. Atlantic Circulations. Literature, reception and imperial identities, 1650—1750. Abingdon; N.Y.: Routledge, 2025, 260 p.

Mallet D. The Excursion, London: J. Walthoe, 1728, 78 p.

McKillop A.D. Peter the Great in Thomson's "Winter", *Modern Language Notes*, 1952, vol. 67, no. 1, pp. 28—31.

Owen R. The Art of Discrimination in Thomson's "The Seasons" and the Language of Criticism. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1964, 529 p.

Ridley G. "The Seasons" and the Politics of Opposition, *James Thomson: Essays for the Tercentenary*, Liverpool: Liverpool University Press, 2000, pp. 93—116.

Spectator, ed. by D.F. Bond, vol. 2, Oxford: Oxford University Press, 1965, 600 p.

Tickell T. The Poetical Works of Thomas Tickell, Edinburgh: The Apollo Press, 1781, 178 p.

Thomson J. The Seasons, London: A. Hamilton, 1793, 227 p.

Zacharasiewicz W. The Theory of Climate and the North in Anglophone Literatures, *Images of the North — Histories — Identities — Ideas*, Amsterdam: Rodopi, 2009, pp. 25—50.

THE RUSSIAN THEME IN J. THOMSON'S POEM "THE SEASONS"

Oleg Yu. Polyakov
Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, polyakoov@yandex.ru

Abstract. The paper studies the aspects of Russia's image representation in "The Seasons", a poem by the English sentimentalist J. Thomson, in the context of realization of the Russian theme and the development of the Petrine myth in English poetry of the second half of the XVIII century. "The Russian text" of Thomson's descriptive-didactic poem is analysed on the material of its final part ("Winter", 1744 edition) in the aspect of comparing the hetero-image of Russia with the images of the English self and European "others". Particular attention is paid to the influence of Thomson's artistic method, representative of the poetics of "physico-theological" poets, on the construction of the image of Russia. We also dwell upon studying intertextual relations of Thomson's poem with the works of D. Mallet and A. Hill (the main devices of making the image of Peter the Great are closely compared in the poems "The Seasons" and "The Northern Star"). The study concludes that Thomson adhered to the traditions of valorization of Russia's image in the XVIII century English artistic consciousness and, at the same time, his imagological evaluation of Russia is ambivalent, as he saw Russia oscillating between the poles of barbarity and civilization.

Keywords: Thomson, image of Russia, the Petrine myth, imagology, representation

For citation: Polyakov O.Yu. The Russian theme in J. Thomson's poem "The Seasons", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities,* 2025, iss. 4, pp. 21—31.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 16.07.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 16.07.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Поляков Олег Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, polyakoov@yandex.ru, SPIN-код: 6720-2153

Polyakov Oleg Yurievich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, polyakoov@yandex.ru